

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПРАВА

Под редакцией
Е. Н. Тонкова,
И. Л. Честнова



Толкование источников права

Коллектив авторов

**Социологическая школа
права в контексте
современной юриспруденции**

«Алетейя»

2022

УДК 316.334.4
ББК 60.56

Коллектив авторов

Социологическая школа права в контексте современной
юриспруденции / Коллектив авторов — «Алетейя»,
2022 — (Толкование источников права)

ISBN 978-5-00165-529-9

В коллективной монографии представлены исследования участников международной научной конференции «XX-е Спиридоновские чтения», посвященной осмыслению социологии права профессора Л. И. Спиридонова в контексте современных проблем юриспруденции. Социологическая школа права способна отвечать на вызовы современности, несмотря на тенденции утраты юридической наукой легитимности. Именно социология права оказалась готовой к интеграции классических типов правопонимания, демонстрируя преимущества праксеологических подходов. Монография ориентирована на преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся современными теоретическими исследованиями права. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.334.4
ББК 60.56

ISBN 978-5-00165-529-9

© Коллектив авторов, 2022
© Алетейя, 2022

Содержание

Перспективы диалектической социологии права в эпоху постсовременности: вместо предисловия	7
Раздел I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
3.1. Метафизика и реализм социалистического права	24
3.2. Реализм в философии	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции: коллективная монография Под редакцией Евгения Тонкова, Ильи Честнова

Авторский коллектив:

Гилинский Я. И., д.ю.н., проф.; Глухарева Л. И., д.ю.н., доц.; Голубева Л. А., к.ю.н., доц.; Крупеня Е.М., д.ю.н., проф.; Куликова М.С., маг., асп., преп.; Ломакина И. Б., д.ю.н., проф.; Масловская Е.В., д.с.н., в.н.с., Павлов В. И., к.ю.н., доц.; Разуваев Н.В., д.ю.н., проф.; Ромашов Р.А., д.ю.н., проф., засл. деят. науки РФ; Тонков Д.Е., маг., преп. – иссл.; Тонков Е.Н., к.ю.н., доц., адвокат; Холопов А. В., к.ю.н., доц.; Черноков А.Э., к.ю.н., доц.; Честнов И. Л., д.ю.н., проф., засл. юрист РФ

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Д. И. Луковская (Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

С.Л. Сергеевнин (Северо-Западный институт управления РАНХиГС)



Идея и редактирование серии: Е. Н. Тонков

**SOCIOLOGICAL SCHOOL OF LAW
IN THE CONTEXT OF MODERN JURISPRUDENCE**

Edited by E. N. Tonkov & I. L. Chestnov



В оформлении обложки использован фрагмент картины Веры Ливановой «Подготовка рабочих к обороне»

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ



© Е.Н. Тонков, И. Л. Честнов, составление, предисловие, библиографический список, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Гуманитарный фонд «Тюрьма», 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Перспективы диалектической социологии права в эпоху постсовременности: вместо предисловия

Из трех классических типов правопонимания – юридического позитивизма, юснатурализма и социологии права – последний гораздо адекватнее отвечает на вызовы постсовременности. К таковым нельзя не отнести глобализацию, фрагментаризацию социума, ценностный плюрализм, перманентную изменчивость, рост сложности в онтологическом (или даже в онтическом) и гносеологическом смыслах, взаимообуславливающих друг друга, проблематизацию, казалось бы, очевидных явлений и понятий, таких, как человек, власть, государство, право и т. п. В то же время многими авторами констатируется, что право и юридическая наука в эпоху постсовременности теряют свою легитимность. Именно социология права способна адекватно описать эти негативные изменения и, смеем надеяться, предложить перспективы их преодоления.

Следует заметить, что сегодня (вероятно, с 80-х гг. XX в.) наметилась тенденция к интеграции классических типов правопонимания, что выразилось в формировании соответствующего подхода, например, активно пропагандируемого В. Д. Зорькиным, В. В. Лазаревым и др. Да, сегодня никто не будет спорить с тем несомненным фактом, что право существует в формах его внешнего выражения (хотя по поводу того, как их – формы – трактовать и каково их количество, разногласия, несомненно, есть и будут); что право оценивается с позиций неких (прежде всего, моральных или религиозных) ценностей и легитимируется ими; а также, что право обусловлено социальными факторами и оказывает на них обратное влияние, что оно существует в поведении (интеракциях). Однако механическое соединение позитивизма, юснатурализма и социологии права мало что дает, а с теоретической точки зрения такое сочетание без некоего основания в принципе невозможно. Поэтому не случайно Р. Алекси, один из наиболее авторитетных и интересных представителей теории естественного права второй половины XX в., утверждал, что именно социальный аспект (социальная действительность) является приоритетным не только перед формально-юридическим (позитивистским), но и перед моральным.

В чем преимущества социологии права перед другими типами правопонимания? На наш взгляд, прежде всего, в отказе от формальной догматичности «юридической картины мира», которая стала доминировать (как в теории, так и в практике) благодаря господству неопозитивизма (нормативизма). Отказ от изучения и адекватной (позитивной) критики существующей правовой политики превращает догму и доктрину права в служанку власти и не позволяет ответить на принципиально важные вопросы – как изменяется право и как оценить его постоянные трансформации. Именно социологический подход призван дать ответ (по крайней мере предложить свой вариант ответа) на эти вопросы.

В то же время сегодня социология права не может не изменяться вместе с трансформациями исторического и социокультурного контекста. Очевидно, что адекватной новым реалиям является не позитивистская социология права, а диалектическая или диалогическая. Одновременно она – социология права – должна быть практикоориентированной, реалистической программой осмысления правовой реальности. При этом, как справедливо утверждают авторитетнейшие социологи, наука, хотя и косвенно, участвует в конструировании социальной (и правовой) реальности. Отсюда вытекают новые функции и ответственность социологии права.

Можно предположить, что концепции юспозитивизма и юснатурализма находят консолидирующие направления в социологическом подходе к праву. Юсоциологизм позволяет объединить методы познания различных научных направлений, в том числе, через культуральную парадигму. Правовая культура как результат и способ жизнедеятельности людей, являясь

интерсубъективным источником права, опосредует социальные явления и воздействует на правопорядок.

Отчуждение населения от законодательной деятельности компенсируется развитием корпоративного права, усилением цеховых и стратовых практик. Обычное право отражает качества совместной деятельности людей, ускользающие от понимания исследователей, недооценивающих социологические методы познания. Общие правовые закономерности проявляются в поведенческих актах индивидов, которые одобряются вначале близкими референтными группами, а затем и широкими слоями населения.

Аксиологичность нормативных систем позволяет правоприменителям реализовывать личные интересы, утаивая политические и субъективистские пристрастия. Действующее материальное и процессуальное законодательство содержит большое количество оценочных категорий, позволяющих, в зависимости от их толкования, оказывать авторитарное воздействие на правопорядок. Широкие пределы усмотрения и отсутствие стандартов доказывания превращают юридические механизмы в удобный инструмент манипулирования. Латентный произвол, избирательность правоприменения при наложении санкций в административных и уголовных процессах, социально-психологические, политические, экономические зависимости юридических акторов исследуются современной социологией права.

Социологические концепции позволяют учитывать достижения практической юриспруденции, к успехам в которой стремится большинство студентов юридических учебных заведений. Социологические школы права становятся основой правопонимания в эпоху, когда стираются резкие грани между юспозитивизмом и юснатурализмом, а в общем правовом теоретизировании исчезают разделения академических школ, утрачиваются научные традиции. Социологические подходы, в том числе правовой реализм, позволяют обобщить эмпирические измерения правопорядка, интегрируя теоретические и практические феномены, без этого направления юриспруденции современные исследования уже не могут претендовать на всестороннее рассмотрение права.

Следует заметить, что социология права – это не просто относительно самостоятельная научная дисциплина, акцентирующая внимание на «динамическом» аспекте права, на его связи с другими социальными явлениями, но дополняющая догматический подход описанием и осмыслением как права в целом, так и всех его институтов. Поэтому перспективным направлением в рамках социологии права является социологический подход в отраслевых юридических дисциплинах. Так, Л. И. Спиридонов в 70–80 гг. XX в. разработал программу социологии уголовного права и основал кафедру с одноименным названием в Академии МВД СССР. Этот же подход с успехом развивается таким авторитетнейшим криминологом (как и многими другими представителями этой дисциплины), одним из авторов настоящей коллективной монографии, Я. И. Гилинским. В принципе, работы в области коммерческого и предпринимательского права Б. И. Пугинского и С. Ю. Филипповой – это современная социология цивилистики.

Сегодня, в эпоху постиндустриального, постсовременного мира, социология права в ее постклассической версии, представляется наиболее востребованной научно-исследовательской программой описания и объяснения правовой реальности. Ее перспективными вариантами становятся диалектико-антропологическая и неореалистическая программы. Первая акцентирует внимание на том, как именно социальные процессы интериоризируются в мире права и диалогически с ним взаимодействуют. Социологический неореализм основывается на широком подходе к источникам права и эмпирических исследованиях функционирования правопорядка. Особое внимание уделяется выявлению закономерностей правоприменительной практики, в том числе, экстралегальным воздействиям на принятие решений, которые остаются без должного внимания в позитивистских концептах и не верифицируются в юснатурализме.

Эти и другие аспекты социологии права стали предметом осмысления участников международной научной конференции XX-е Спиридоновские чтения на тему «Социология права Л. И. Спиридонова в контексте современных проблем юриспруденции», которая прошла 09 апреля 2021 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Материалы участников конференции представлены на суд Читателя в настоящей монографии.

Раздел I

Общетеоретические аспекты социологии права

Глава 1

Диалектическая социология права Льва Ивановича Спиридонова в контексте современных проблем юриспруденции

Диалектическая социология права Л. И. Спиридонова, с некоторыми оговорками, на мой взгляд, может претендовать на то, чтобы именоваться научной школой. Дело лидера продолжают его ученики, есть последователи, можно говорить о развитии идей ученого. В то же время наука не стоит на месте. Как изменялись взгляды Л. И. Спиридонова на протяжении его творческого пути, так и развитие диалектической социологии права у его учеников и последователей сегодня движется в сторону диалогической методологии и социокультурной антропологии права постсовременного социума.

Социология права Л. И. Спиридонова – сущностно диалектическая. В ней акцентируется внимание на социальных предпосылках права – источнике права в социолого-правовом смысле, – и на его – права, – динамике, постоянной изменчивости. Сегодня эти важные положения проблематизируются в постклассической методологии в связи с проблемами интериоризации внешних стимулов – социальных факторов, исторического и социокультурного контекста, – в механизм правообразования, воспроизводства права, включая анти-номичность следования правилу. Одновременно – это и проблема измерения эффективности права. Эти и другие моменты предполагают решение методологической задачи – разрешение (снятие) противоречия основных бинарных оппозиций, из которых складывается социальность как таковая, включающая право как ее аспект или сторону. Об этом и пойдет речь ниже.

Диалектическая социологическая программа исследования онтологии права разрабатывалась Л. И. Спиридоновым начиная с конца 1960-х гг. и получила воплощение в таких работах, как монографии «Социальное развитие и право»¹ (которая легла в основу его докторской диссертации), «Социология уголовного права»², учебное пособие «Основы социологических знаний (в соавторстве с И. Б. Михайловской)»³, в других публикациях. В отличие от формально-юридического (догматического) подхода (правовая норма – судебная практика), «социологический стремится раскрыть более глубокие связи, отражающие сущность правовых явлений: общественные отношения – право – функционирование правовых норм в обществе – их социальная эффективность»⁴. Тем самым заявляется не просто социологический подход к анализу права, но именно *диалектико-социологический*.

В этой связи необходимо сделать одно важное уточнение. По справедливому замечанию В. Д. Зорькина, «на основе философии позитивизма, в рамках позитивистской теории права второй половины XIX – начала XX в. сложились два направления: первое – юридический позитивизм или аналитическая юриспруденция как один из способов обоснования формально-дог-

¹ Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973.

² Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986.

³ Михайловская И. Б., Спиридонов Л. И. Основы социологических знаний. Часть 1. Учебное пособие. М., 1988. Переизд.: Спиридонов Л. И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб., 2002. С. 45–58.

⁴ Михайловская И. Б., Спиридонов Л. И. Основы социологических знаний. Часть 1. Учебное пособие. М., 1988. С. 106.

матического метода, одна из разновидностей формально-догматической теории права; второе – социологический позитивизм – непосредственный предшественник буржуазной социологии права XX в. . .

Социологический позитивизм не ограничивался догмой права, но, в отличие от юридического позитивизма, считал ее вспомогательной, чисто технической частью теории права, стремился понять право в связи с его содержанием, т. е. прежде всего выработать *социологическое* понятие права, а также поставить и решить проблему возникновения и функционирования права («динамика» права) во взаимосвязи с другими многообразными фактами, отношениями и т. п. Здесь была применена та же, позитивистская методология и теория познания. Однако право было истолковано уже не формально-догматически, как абстрактная система нормативных предписаний суверенной власти государства, а как один из взаимосвязанных социальных фактов, как широкая социальная структура, социальный порядок в контексте других фактов-явлений»⁵. Возможно, в связи с этим некоторые современные исследователи относят социологический тип правопонимания (в разных его модификациях или вариантах) к позитивистскому (легистскому). Так, например, В. В. Лапаева утверждает, что «в целом ряде работ социологическое направление исходит из легистского правопонимания (см., например: Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986) . . . Развитие социологического правопонимания, сторонники которого всегда выступали с резкой критикой легизма, в значительной мере явилось реакцией на усиление позиций легистского подхода к праву в юридической теории и практике. И хотя с точки зрения методологии исследования социологическое правопонимание, так же как и легизм, оставалось в рамках позитивистского подхода, ограничивая сферу своего научного интереса лишь уровнем эмпирического анализа (т. е. наблюдаемым правом), право толковалось им уже не как система нормативных предписаний государственной власти, а как факт социальной жизни. В зависимости от особенностей той или иной концепции социологического правопонимания это могли быть фактические нормы, определяющие внутренний порядок человеческих союзов (“живое право” Е. Эрлиха), представления о “живом праве”, сложившиеся в правосознании судейского корпуса (Р. Паунд и другие представители американской социологической юриспруденции, “школа реалистов”), форма интеграции различных сообществ, основанная на “социальной власти” (“социальное право” Ж. Гурвича), юридически защищенный порядок общественных отношений (С. А. Муромцев), форма разграничения социальных интересов (Н. М. Коркунов) и т. п.»⁶. Примерно так же, выделяя два типа правопонимания – позитивистский и непозитивистский – размышляет и Н. В. Варламова⁷. «Сторонники социологического позитивизма, – пишет она, – считают первоосновой права правоотношения. С их точки зрения право – это реальный порядок общественных отношений; закон с большей или меньшей адекватностью фиксирует правила, которых люди придерживаются в своих взаимоотношениях, и обретает жизнь, лишь будучи реализован в них. Право и его общеобязательность, таким образом, производны не от государства, а от общества.

Несмотря на отмеченное [выше – **И. Ч.**] разнообразие позитивистских интерпретаций права все они едины в главном: специфика права усматривается не в содержании его норм, а в их принудительности, независимо от того, чем она обеспечивается – государственной властью, социальным признанием, психическим переживанием. Юридический позитивизм ограничивает задачу правоведения “познанием и описанием правовых норм и установленных ими отно-

⁵ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 14–15.

⁶ Лапаева В. В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2006. С. 39, 45.

⁷ См.: Варламова Н. В. Предметно-методологическое единство и дифференциация теоретического знания о праве // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М., 2007. С. 10 и след.

шений между определенными фактами” и неизменно уклоняется от субстанционально-ценностного обоснования действующего правопорядка, полагая такую задачу ненаучной»⁸.

В этой связи следует заметить следующее. Принципиально важно проводить *различие между позитивизмом, в том числе, и его социологической версией, и диалектикой*. Последняя, в Гегелевской ее версии⁹, например, предполагает соединение (диалектическое) логики и истории, историческое измерение изучаемого объекта. Суть Гегелевской диалектики – метод восхождения от абстрактного к конкретному, предполагающий «в конечном счете»¹⁰ воспроизведение в разуме фактической эволюции объекта от зародышевой, зачаточной его стадии (абстрактное) к высшей точке, стадии (конкретное)¹¹. Диалектика, ко всему прочему, – это выявление сущности изучаемого объекта, которая раскрывается не «внутри» (или «изнутри») него, а во взаимосвязи с другими объектами и всегда обусловлена целым, в которое эти объекты входят. Сущность – это качество, обусловленное целым¹². Тем самым диалектика Гегеля превосходит многие положения современной теории систем, включая синергетическую концепцию неравновесных, диссипативных, стохастических систем¹³. Именно в обществе (или в социальности как таковой) проявляется сущность права и всех правовых явлений (как, впрочем, и всех других социальных явлений – политики, экономики и т. д.).

Поэтому диалектическая социология права не в меньшей степени, чем юридический либертаризм, озабочена поиском сущности права и не описывает правовую реальность лишь в ее внешних проявлениях, как это делает юридический позитивизм. В противном случае в число позитивистов придется «записать», например, Е. Б. Пашуканиса, И. П. Разумовского, и даже К. Маркса и самого Г. В. Ф. Гегеля.

Диалектическая социология права предполагает анализ или измерение права не только как развивающегося явления, но как *социального* феномена, обладающего лишь относительной автономностью, «переплетенного» постоянными взаимодействиями с другими социальными явлениями и обществом как целым. Поэтому у права нет собственной истории и нет своих, «специфических» закономерностей, существующих вне общесоциальных тенденций. Отсюда же вытекает и такой важный вывод: юридическая наука – это частная социологическая теория, изучающая право как момент, сторону общества. Л. И. Спиридонов в этой связи утверждал, что «...право, нравственность, искусство или религия не могут быть воспроизведены в самостоятельной, т. е. не социологической, а лишь юридической, этической и т. д. теории, не признающей общество неперемнной предпосылкой всех своих последующих рассуждений»¹⁴. Конкретизация этого положения, а также отличия позитивистской социологии права от диалектической, включая аргументацию тезиса о невозможности самостоятельной социоло-

⁸ Варламова Н. В. Тип правопонимания как теоретическая парадигма интерпретации права // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В. Г. Графского). М., 2008. С. 65–66.

⁹ В общем, это же характерно и для марксизма (аутентичного, а не вульгарного). «Нельзя отделить философию от истории философии и культуру от истории культуры», – писал А. Грамши. (Грамши А. Тюремные тетради/ В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. М., 1991. С. 27). Более того, «философия практики» (Марксизм) как «реформа и развитие гегельянства» предполагает изучение объекта в конкретном историческом контексте. Тем самым, отрицается «человек вообще» или «природа человека» как нечто «внутренне присущее каждому человеку». «“Философия практики” теоретически утверждает, что всякая истина считающаяся вечной и абсолютной, имела практическое происхождение и представляла “временную” ценность (в силу историчности всякого мировоззрения)». (Там же. С. 122, 123).

¹⁰ Очевидно, что полного совпадения логики и истории, как и воспроизведения фактической эволюции объекта во всемирно-историческом масштабе добиться никогда полностью не удастся, но это то, к чему ученый должен стремиться.

¹¹ См. подробнее наиболее глубокую интерпретацию метода восхождения от абстрактного к конкретному применительно к юриспруденции: Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 69–120.

¹² См.: Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 39, 58 и след.

¹³ Об этом, в частности, пишет В. С. Степин: Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография/ Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009. С. 289.

¹⁴ Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 91.

гии права (это сама юриспруденция, изучаемая социологически) нашли отражение в статье Л. И. Спиридонова и В. В. Орехова, написанной еще в 1969 г.¹⁵

Рассмотренные положения представляются чрезвычайно актуальными и для современной постклассической (или постнеклассической) юридической науки. Уже приведенная выше дискуссия по вопросу отличия позитивистской социологии права от диалектической – тому наглядное подтверждение. Однако диалектика права, постулирующая необходимость постоянного развития (изменения) правовой реальности и представлений о ней, не может оставаться в том виде, в каком она излагалась Л. И. Спиридоновым.

Одно из прозрений Л. И. Спиридонова состояло в экспликации принципиально важной роли культуры (правовой культуры) в образовании новых норм права и их реализации (воспроизводстве). Именно культура, по его мнению, образует механизм селекции новых норм права, на мой взгляд, включающий выработку правовой инновации и ее легитимации, хабиутализации (можно сказать, пользуясь языком П. Бурде). Одновременно правовая культура, ее своеобразие в данном социуме, объясняет, как именно в этом обществе (в этой правовой системе) воспроизводятся нормы права и насколько они эффективны.

Очевидно, что внешние факторы, такие как экономика, политика, демографические процессы и т. д. не влияют на правовую реальность прямо и непосредственно. Они преломляются (интериоризируются) через правовую культуру, которая выступает фактором инноватики и селекции правовых форм, опосредующих социальные явления и процессы. Например, рыночная экономика или демократическая политическая система могут быть по-разному сформулированы в гражданском и конституционном законодательстве. Именно правовая культура в лице правящей элиты, референтной группы и широких слоев населения и формирует, отбирает (селектирует) и легитимирует ту или иную форму права, соответствующую в той или иной степени общественным потребностям.

Однако как именно культура сосуществует с социальностью, какой смысл вкладывается в понятие «социокультура» (или «социокультурность») – остается сложной проблемой. Американский социолог и культуролог Дж. Александер, автор концепции «Культурсоциология», утверждает, что культура – это «не вещь, не объект, который следует изучать как зависимую переменную, но нить, которая проходит сквозь любую мыслимую социальную форму и которую можно из этой формы вытянуть». Поэтому Культурсоциология ставит «во главу угла интерпретацию коллективных смыслов... моральные структуры и тонкие эмоциональные связи, посредством которых отдельные лица и группы испытывают воздействие этих смыслов»¹⁶. Социокультурный анализ, с моей точки зрения, акцентирует внимание на «продуцирующей», селективной и легитимационной (включающей идентификационную и интернализирующую) функции правовой культуры в процессе воспроизводства социума. Правовая культура – это источник права (о чем неоднократно заявлял Л. И. Спиридонов), в социологическом смысле этого слова. Будучи знаковым опосредованием всех социальных (и индивидуальных) действий, явлений и процессов, правовая культура участвует в конструировании системы права (в создании правовых инноваций), в их селекции, фиксации в адекватной юридической форме, в убеждении населения принять эти правовые инновации. Таковы, как представляется, основные проблемы культуральной социологии права.

Отсюда же вытекает проблема экспликации общественных потребностей в правовых формах. В 1972 г. П. Бурдье выступил с про-вокативным, эпатирующим докладом «Общественное мнение не существует»¹⁷. «Общественное мнение не существует, по крайней мере в

¹⁵ Орехов В. В., Спиридонов Л. И. Социология и правоведение // Человек и общество. Ученые записки НИИКСИ. Вып. 5, 1969.

¹⁶ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология/ пер. с англ. Г. К. Ольховикова, под ред. Д. Ю. Куракина. М., 2013. С. 51, 46.

¹⁷ См.: Бурдье П. Общественное мнение не существует // Социология политики. М., 1993. С. 161–177.

том виде, в каком его представляют все, кто заинтересован в утверждении его существования... есть, с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных *интересов*, и с другой стороны, – предрасположенности, которые по определению не есть мнение, если под этим понимать... то, что может быть сформулировано в виде высказывания с некой претензией на связность»¹⁸.

Еще одна проблема – это отчуждение населения от законодательства, превращающегося в полном соответствии с «предсказаниями» постструктуралистов в симулякр – знак, существующий без означаемого и даже референта, но порождающего социальные (и юридические) последствия¹⁹. Изучение механизмов легитимации права (точнее – его форм внешнего проявления) – одна из насущных задач диалектической социологии права.

Остается неразрешенной и проблема экспликации эффективности права. Рассчитать отдаленные последствия воздействия той или иной формы права на общественные отношения теоретически и практически невозможно, так как на конечный результат – правопорядок, – влияют все социальные и даже техногенные и природные факторы, обладающие «побочными последствиями». Перефразируя Ф. Хайека, попытки такого расчета – это «пагубная самонадеянность»²⁰. В связи с этим требует пересмотра оценка роли права как «социальной инженерии» в современном обществе.

Перечисленные проблемы – далеко не полный перечень того, что должно стать повесткой дня для современной юридической науки. Диалектическая социология – это то методологическое направление, которое в состоянии ответить на вызовы постсовременности. В связи с этим уместно заявить, что одним из наиболее перспективных вариантов развития диалектической социологии права является программа социокультурной антропологии права, развиваемой автором в сотрудничестве с И. Б. Ломакиной, В. И. Павловым, Л. А. Харитоновым, А. Э. Черноковым и другими коллегами. О важности роли «человеческого измерения права» и правовой культуры – или о культуральном подходе к праву, – пишут А. В. Поляков, Н. В. Разуваев, Н. Ф. Ковкель, Л. И. Глухарева, А. А. Дорская, Е. М. Крупеня, Д. А. Пашенцев, Е. Н. Тонков и другие. Этой теме были посвящены XVIII Спиридоновские чтения, результаты которых нашли отражение в коллективной монографии «Культуральные исследования права»²¹.

Другой проблемой, над которой, уверен, будут продолжать работать сторонники постклассической диалектической социологии права, является **механизм снятия бинарных оппозиций**. «Бинарный архетип» – имманентная характеристика культуры («культурная константа», если перефразировать Ю. С. Степанова). Уже в мифах (или даже в «прамифах») прослеживается бинарность или раздвоение нарратива на противоположные полюсы²². В Античности разделение сущности и видимости, а в Новое время оппозиция субъекта и объекта²³ определяют содержание всей философии. Постклассическая философия предлагает способы преодолеть эти фундаментальные бинарности: «избежать вредность оппозиций индивидуализма и коллективизма (индивидуальное действие против коллективного, теорию рационального выбора против теории рационального действия), оппозиции механицизма и финализма (чем именно определяются человеческие поступки – причинами или доводами),

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ См.: Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981.

²⁰ Об этом, в частности, пишут такие исследователи «общества риска» «позднего модерна», как У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман и др. См.: Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1990; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990; Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, 2000.

²¹ Культуральные исследования права: монография/ под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018.

²² Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты/ пер. с нем. М. Кузнецова. М.: СПб., 1997. С. 29.

²³ Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993)/ под ред. П. Шапманя, Ж. Дюваля при участии Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с фр. Д. Кралечкина. М., 2019. С. 313.

оппозиции, очень модной в американских дискуссиях и у социологов, и у экономистов, микро и макро, то есть исследования, сводящегося к элементарным единицам, к индивиду, и исследования, сводящегося к агрегированным ансамблям индивидов»²⁴. Эти оппозиции П. Бурдьё объявляет «фиктивными» и полагает, что «понятие габитуса позволяет обойтись без них»²⁵.

С проблемой «бинарности» социального мира (и «мира права») связана еще одна фундаментальная для социальных наук тема – *редукция социальных явлений и процессов к обществу как некой целостности или социальности как таковой*. В классической социологии и во всех общественных науках такая редукция была само собой разумеющимся методологическим приемом – свести описываемое и объясняемое к более широкому и одновременно очевидному понятию. Так, не проблематизируемыми в юриспруденции считаются утверждения: право – это социальное явление, норма права – разновидность социальных норм, правоотношение – это общественное отношение, урегулированное нормами права и т. д. Однако сегодня эти самоочевидные понятия стали наиболее проблемными, сущностно оспоримыми²⁶.

Дело в том, что общество – это абстракция, понятие не имеющее один-единственный референт. Более того, это понятие реифицируемое, гипостазированное не только в обыденном сознании, но и зачастую в научном²⁷. Аналогично все понятия, репрезентирующие социальные (коллективные) образования, характеризуются натуралистической и одновременно антропоморфной метафоризацией, которая отождествляет их с индивидуальной акторностью, приписывает им человеческие признаки и свойства самостоятельно действующей сущности. Происходит своего рода фетишизация такого рода «сущностей». Расколдовывание этой фетишизации предполагает анализ конкретных взаимодействий и механизма их опредмечивания в подобного рода концептах-мифологемах (или идеологемах, в зависимости от уровня восприятия) с приписыванием магического эффекта. Полагаю, что наиболее перспективным механизмом экспликации (или «расколдовывания») такого перехода от социальных интеракций к концептам-метафорам и от них к натурализированным «сущностям» является постклассическая диалогическая методология. Она предполагает анализ *диалога действия и структуры* – основного противоречия или антиномии социальности²⁸.

«Такие понятия, как “государство”, “сообщество” (Genossen-schaft), “феодализм” и т. и., в социологическом понимании означают, если выразить это в общей форме, – категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к “понятному” поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей», – утверждал М. Вебер²⁹. Об этом же, в принципе, пишут Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст применительно к понятию общество: «Мы понимаем, что общества не являются акторами. Действия совершают не общества, а индивиды. Тем не менее там, где это не будет вводить в заблуждение, мы иногда будем использовать язык метонимии и овеществления, используя термин общество как

²⁴ Там же. С. 301. Этот перечень можно дополнить материальным/идеальным, познанием/ практикой, должным/сущим и др. Об этом см.: Честнов И. Л. Право как диалог. К формированию новой онтологии права. СПб., 2002.

²⁵ Там же.

²⁶ «Сущностная оспоримость» связана не только с тем, что такие понятия, как власть, право, народ и др. релятивны к ценностям, разделяемым в данном сообществе, на чем акцентировал внимание А. Макинтайр вслед за У. Гэлли (который ввел в научный оборот это понятие), но и их принципиальной сложностью, неопределенностью и потенциальной множественностью их внешних проявлений. При этом следует заметить, что речь идет не только об ограниченности человеческих возможностей их полного и всестороннего описания и объяснения, но и напрямую с этим связанной онтологической (или даже онтической) их сложностью (контингентностью) и неопределенностью.

²⁷ Гудков Л. Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994. С. 260.

²⁸ О диалогичности социальности как взаимообусловленности и взаимодополнения материального (действия) и ментального (психического), цели и результата, действия и контекста (структуры) и других бинарных оппозиций – см.: Честнов И. Л. История и методология юридической науки. М., 2018. С. 199–209.

²⁹ Вебер М. Избранные произведения/ пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. И. Давыдова; предисл. И. И. Гайденоко. М., 1990. С. 507.

удобное сокращение более громоздкой конструкции: совокупность индивидов, коллективно принимающих ряд индивидуальных решений, производя таким образом общие и разделяемые представления и убеждения относительно выборов, последствий и результатов»³⁰.

При этом следует иметь в виду, что *действия совершают люди в контексте социальных структур, ограничивающих и обуславливающих активность индивидов. Структура, в свою очередь, существует только если воспроизводится практиками (поведенческими и ментальными, психическими) людей. В то же время социальная структура – это не «вещь» или «предмет», а социальное представление, которое многократно повторяется в действиях относительно широких слоев населения.* Бытие структуры реифицируется (овеществляется или объективируется) в знаковой форме как некая данность, не подвергаемая сомнению (по крайней мере, в том, что она «объективно» существует) и принуждает (символически) к совершению определенных действий. Одновременно структура продуктивна: она создает возможности автономии и свободы человека³¹. Структура, таким образом, и ограничивает и обеспечивает свободу: она как абстрактные безличные правила, утверждал Ф. Хайек, «защищает индивида от произвола и насилия со стороны других... Нашей свободе мы обязаны ограничениям свободы»³².

Структура в социальном мире представлена, прежде всего, социальными институтами. При этом «институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Наиболее распространенное представление об институтах заключается в том, чтобы рассматривать их как ограничения поведения индивидов как индивидов, например: если существует ограничение скорости до 60 миль в час, как быстро я должен ехать? Однако институты также структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей...»³³.

Вышеизложенное, как представляется, наглядно свидетельствует о перспективности развития оригинальных идей диалектической социологии права Л. И. Спиридонова в контексте постклассической диалогической социокультурной антропологии права.

³⁰ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества/ пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М., 2011. С. 56.

³¹ «Структура представляет собой дифференциал ограничений и возможностей, который переключается актором». – Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее/ пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасеа. М., 2019. С. 122.

³² Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 485.

³³ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 59.

Глава 2

Метод междисциплинарного синтеза в социологии права Л. И. Спиридонова³⁴

Оценивая кого бы то ни было, мы определяем, что именно совершил в своей жизни человек находящийся в поле нашего зрения, в чем значение его дел, слов и поступков для нас сегодняшних и тех, кто будет следовать за нами. В научном мире такого рода последовательность называется школой. Профессор Лев Иванович Спиридонов прожил яркую достойную жизнь, в которой состоялся и как человек, и как гражданин, и как ученый. Причем во всех названных ипостасях «с большой буквы». Школа, созданная Л. И. Спиридоновым, знаменует собой связь поколений ученых, сохраняющих в своих сердцах благодарную память о том, кто когда-то открыл им дорогу в непростой, но очень интересный и притягательный мир юридической науки.

В рамках заявленной темы разговор пойдет о методологии научного познания, предложенной и апробированной Л. И. Спиридоновым. «Наиболее важным аспектом творчества Л. И. Спиридонова является принятая им методология. Именно метод определяет ту или иную картину мира, в некотором смысле онтологию права»³⁵. Сам Л. И. Спиридонов полагал, что «разработка методологических проблем должна предшествовать изучению конкретного исторического материала»³⁶, поскольку «бессознательное привнесение в исследование своих субъективных представлений о предмете гораздо опаснее использования заранее придуманных схем»³⁷. В настоящее время вопросы методологии юридического научного познания в ряде случаев «отходят на второе место», вытесняясь выше отмеченными «субъективными представлениями о предмете», что обуславливает ситуацию, когда модельные государственно-правовые формы наполняются содержанием, определяемым произвольно теми, кто сегодня идентифицирует себя с современным Российским государством и правом.

Представляя собой научное осмысление метода как средства (приема, технологии) познавательной деятельности, методология позволяет не только определить инструментальную базу юридической науки, но и задает ее целевую направленность, а также во многом определяет ценностное наполнение. Зная, какими приемами пользуется человек в своей деятельности, можно с достаточной степенью уверенности охарактеризовать и самого человека, и совершаемые им поступки. При этом не столь важно, каким образом осуществляется субъективная самооценка, а также оценка со стороны заинтересованного в данном человеке, на данном историческом этапе окружения.

Россия на всех этапах своего исторического развития являлась государственной формой организации сообщества, формирования и осуществления механизма публичной политической власти. Независимо от устанавливаемой формы политического правления система властеотношений выстраивалась «по вертикали», замыкающейся на персонифицированном главе государства – Государе, рассматривавшем государство (страну и народ) в качестве объекта личной собственности (владения, пользования, распоряжения). Право при таком понимании выступало в качестве «возведенной в закон воли господствующего класса», а точнее «главен-

³⁴ Глава выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А.

³⁵ Честнов И. Л., Денисов Ю. А. Лев Иванович Спиридонов: жизнь и творческое наследие // Спиридонов Л. И. Избранные произведения по теории права. СПб., 2010. С. 5.

³⁶ Спиридонов Л. И. Избранные произведения по теории права. СПб., 2010. С. 10.

³⁷ Там же.

ствующего господина», коим и являлся Государь, независимо от наименования его формального статуса (князь, царь, император, генеральный секретарь, президент)³⁸.

Заслуга профессора Л. И. Спиридонова заключается в том, что он в своих научных изысканиях предлагает опираться не на государственную (точнее, партийную) идеологию, заменившую в советском государстве и праве догматы Священного писания, при этом столь же догматичную и отрицающую какую бы то ни было критику (ревизионизм), а на научную методологию – материалистическую диалектику. Безусловно, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества»³⁹. Профессор Л. И. Спиридонов – «человек, рожденный и сделанный в СССР», со взглядами и убеждениями «советского» человека. Вместе с тем, «советскость» Л. И. Спиридонова не следует понимать как ортодоксальную «партийность» его научной позиции. Опора на классический марксизм представляет собой методологическую базу, с опорой на которую выстраивается последовательная логика научного поиска. «Уже в процессе становления советской юридической науки достаточно четко выявились основные ступени диалектического восхождения исследовательской мысли от абстрактного... бытия права... к конкретному... сущности права как системе упорядоченных (“опосредованных”) государством общественных отношений...и системе норм»⁴⁰. Выстраивая свои рассуждения в контексте формационного подхода к типологии государства и права, ученый полагал, что: «Механизм трансформации социального в юридическое в самых общих чертах может быть охарактеризован следующим образом. Экономический базис общественно-экономической формации определяет прежде всего тип права, его социальное содержание, т. е. делает его рабовладельческим, феодальным, буржуазным или социалистическим. Это означает, что содержание юридических норм и правоотношений формируется по типу основного производственного отношения данной формации»⁴¹. Безусловно, в настоящее время высказываемая позиция может критиковаться в плане ее несоответствия реалиям существующей государственно-правовой системы Российской Федерации, которая, перестав быть социалистической, вместе с тем не приняла капиталистическую форму, по крайней мере в ее «голом» или «диком» воплощении⁴². Вопрос о том, к какому типу общественно-экономической формации относится современная Россия является дискуссионным, что в принципе не умаляет методологической значимости самого формационного подхода как инструмента научного познания государства и права. Рассмотрение общественных отношений в контексте экономического базиса (экономической формы) позволяет ответить на ряд проблемных вопросов, главными из которых, на наш взгляд, являются понимание государства и права, с дальнейшим «выведением» из них категорий свободы и собственности, выступающих в качестве важнейших составляющих как индивидуальной, так и коллективной правосубъектности. Для Л. И. Спиридонова, право – «часть” мира, сторона общества как целого»⁴³. «Непосредственно» юридические категории выражают лишь диалектику предмета юриспруденции – государства и права, в том или ином их восприятии. «Совокупность юридических категорий в онтологическом аспекте есть само право, а в логическом – описывающая и объясняющая его теория»⁴⁴. А раз так, то не имеет смысла говорить об универсальной «общей» теории государства и права. Государство и право как социокультурные феномены – это основополагающие юридические категории возникающие на определенном этапе общественного развития и подверженные типологическим трансформациям в ходе полито-

³⁸ См.: Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Πόλις – Государство- State/ Вступ. сл. В. П. Сальникова. СПб., 2020. С. 11–12.

³⁹ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература (13 ноября 1905 г.). ПСС, 5-е изд. Т. 12. С. 104.

⁴⁰ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 35.

⁴¹ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 81.

⁴² См.: Путин отверг «дикий капитализм» и сравнил его с выстрелом себе в ногу // URL: <https://lenta.ru/news/2021/03/31/vnogu/>; Путин назвал «голый капитализм» неприемлемым // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4752431>.

⁴³ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 43.

⁴⁴ Там же. С. 44.

(государство-) и правогенеза. Говорить как о государствах (в современном понимании этого термина), о «древней Греции, России, Германии» столь же бессмысленно, сколько бессмысленны рассуждения об античной концепции прав человека или системы разделения властей.

Полис, равно как и state не является государством (kingdom) в его сегодняшнем категориальном статусе. Обычай («закон отцов»), содержащий в себе юридические нормы, качественно отличается от законодательного акта, изданного в порядке парламентского правотворчества. Формации сводят представления о государстве и праве к экономике, а точнее формам собственности и общественным отношениям в сфере производства и распределения жизненных благ. Как уже ранее отмечалось, логика в таком подходе есть. Однако рассматривать его в качестве универсального (общенаучного) нельзя. Для нас в рамках формационного подхода к типологии государства и права интересна, в первую очередь, методология сравнительного анализа государственно-правовых явлений, характерных для сменяющихся формаций, представляющих собой своего рода циклы социального развития. Для каждого цикла (формации) характерны качественно отличные от предшествующих (последующих) этапов модели государства и права. Вместе с тем, с точки зрения классического марксизма все эти модели объединяет то, что любое государство представляет собой аппарат классового господства в котором право (закон) есть «выражение воли господствующих классов»⁴⁵. Любое государство представляет собой форму публичной политической власти, осуществляемой в опоре на легализованное принуждение, при помощи права рассматриваемого исключительно в инструментальном (волюнтаристском) ключе и в подобном качестве не способном ограничивать волю господствующего субъекта, наделенного прерогативами как в правотворчестве, так и в правоприменении. Таким образом, если руководствоваться формационным подходом к типологии государства и права, то такие категории как «естественные права человека», «правовое государство» (как государство, в своей организации и функционировании ограниченное правом и «подчиненное» ему)», «международное право» (приоритетное по отношению к государственному законодательству) утрачивают собственно юридическое значение и предстают в качестве утопических (в плане реального политико-правового воплощения) метафор, притягательных по смысловой сущности, однако безжизненных в плане практической реализации. «Становится очевидным, что право не имеет собственной истории»⁴⁶. Государство представляет специфический социальный организм – «общественное целое». «Все правовые отношения суть отношения общественного целого, члены которого наделяются юридическими определениями только как элементы этого социального организма»⁴⁷. Возникая в результате государственной деятельности, право представляет собой конструкцию, производную от государства. В свою очередь, последнее есть форма социальной организации, сменяющая родоплеменную систему и «отмирающую» в условиях коммунистического сообщества. Л. И. Спиридонов безусловно прав, когда говорит о том, что у права нет собственной истории. Право как регулятивно-охранительная система опосредовано государством, выраженном в национальном письменном языке и национальной же культуре. Такие смысловые конструкции как «естественное», «международное», «корпоративное», «частное» право и т. п. обретают юридическую значимость только тогда, когда государство в рамках нормативных либо правоприменительных актов выражает собственное к ним отношение. В частности, говорить о естественных правах, как о части системы Российского права, на уровне официальной государственной власти начали только тогда, когда они получили свое законодательное закрепление в российских конституциях (1978, 1993 гг.). Кстати, с этого же времени о России говорят как о «правовом

⁴⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 164 // URL: <http://leninvi.com/tl/7/p/164>.

⁴⁶ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 47.

⁴⁷ Там же.

демократическом государстве» (ст. 1 Конституции РФ 1993 г.)⁴⁸. В свою очередь, закрепленный в ст. 15 Конституции принцип приоритета международного права по отношению к национальному законодательству, фактически сведен на «нет» поправкой к ст. 125, в соответствие с которой Конституционный Суд «в порядке, установленном *федеральным конституционным законом* (*курсив мой – Р. Р.*)» разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

В контексте проблематики, обозначенной заявленным названием главы, целесообразно рассмотреть метод междисциплинарного синтеза⁴⁹, при помощи которого профессору Л. И. Спиридонову удалось объединить в едином логически выстроенном социально-культурно-логическом контексте общество, государство, право, преступность. Наибольший интерес в юридической методологии Л. И. Спиридонова представляет междисциплинарная интеграция социологии, теории права и криминологии, где последняя представляет собой не что иное, как теорию преступности, рассматриваемой одновременно в качестве антипода права, и элемента, входящего в структуру правовой системы общества и национальной правовой культуры.

Получается, что все науки о праве могут быть разделены на две условных группы: науки, объект и предмет которых детерминирован феноменом правомерного порядка (правопорядка), и науки, имеющие своей целью изучение преступности как порядка противоправного (криминального), в котором первичным элементом, аналогичным правовой норме, выступает преступление (точнее – его логический юридический состав).

Единый объект наук о правопорядке в комплексе образуют регулятивные общественные отношения, основанные на презумпции правомерного сознания и поведения субъектов правовых коммуникаций, направленные на сохранение сложившейся системы правовых связей и ее позитивную коррекцию.

Объектом познания для наук, исследующих область противоправных отношений и обусловленных ими юридических последствий, является правонарушение (противоправное деяние) как юридический факт, точнее – формальный юридический состав и система охранительных коммуникаций, складывающихся между государством в лице правоохранительных и судебных органов, с одной стороны, и субъектами правонарушений, с другой. В основу отношений, в совокупности образующих объект криминального научного познания, положена презумпция противоправности сознания и поведения субъектов. Такое понимание означает, что презумпция невиновности вовсе не является общеобязательной для представителей правоохранительных и судебных органов, которые в своей практической деятельности в большинстве случаев руководствуются противоположной по смыслу «презумпцией виновности». Особенно четко обвинительная тенденция прослеживается в области уголовного преследования, где на законодательном уровне закреплена обвинительная природа досудебного следствия.

Разграничение юриспруденции на правоведческую и криминологическую предполагает своего рода отраслевую автаркичность, когда теоретики, цивилисты и криминологи опери-

⁴⁸ В данном случае можно провести аналогию с советскими конституциями, таким же образом юридизировавших формирование в России федеративной формы государственного устройства (см.: Конституция РСФСР 1918 г.). Получается, что доказательством наличия (отсутствия) в Российском праве того или иного правового института (принципа) является наличие (отсутствие) информации о нем в соответствующем акте национального законодательства.

⁴⁹ См.: Орехов А. М. Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 91–97; Мокий В. С. Транс дисциплинарный метод усиления междисциплинарного синтеза социально-экономического и гуманитарного знания // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 8 (26). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3559>.

руют в своих научных изысканиях локальными методиками, практически не связанными друг с другом. Подобная корпоративная локальность снижает эффективность юридической науки и как средства правового познания, и как концептуальной основы практического правового воздействия. В трудах Л. И. Спиридонова прослеживается стремление интегрировать отдельные отраслевые методики в комплексную методологию научного познания права как социально-культурного явления, в котором правомерное и противоправное есть не что иное, как эмпирические проявления выраженной в государственно-правовой форме социальной объективной реальности.

Рассматривая соотношение права и правонарушения (преступления), следует иметь в виду, что понимание права как системы общеобязательных нормативных установок (по мнению Л. И. Спиридонова, именно общеобязательность является основным признаком права), вместе с тем, не только не исключает противоправного поведения со стороны как отдельных личностей, так и коллективных субъектов, но и изначально предполагает его. В данном случае следует согласиться с мнением профессора Я. И. Гилинского о том, что правонарушение в целом и преступление в частности представляют собой сугубо формальные юридические конструкции. «В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам... Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договоряются» законодатели), они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии»⁵⁰.

Говоря о признаке общественной опасности преступления, Л. И. Спиридонов подчеркивает социально-классовую сущность этой категории: «Общественная опасность правонарушения является эмпирическим фактом, осознанным господствующим классом... Борясь с определенными категориями человеческих поступков... мерами государственного принуждения, господствующие классы наглядно демонстрируют, что данная категория деяний осознана ими как опасная для устоев данного общества. Сравнительное исследование правовых систем обществ, находящихся на одной социально-экономической ступени развития, показывает однотипность деяний, входящих в круг запрещенных». Для нас процитированное положение интересно прежде всего четким акцентом на классовой структуре как государственно-организованного общества в целом, так и аппарата государственной (бюрократической) власти в частности. Главный вывод, который следует из «классовой» теории государства и права Л. И. Спиридонова – это вывод о том, что государство и право в условиях классового расслоения обеспечивают интересы не всего государственно-образованного народа, а относительно узкой элиты, формируемой по определенным правилам. И такое положение будет сохраняться до тех пор, пока общество организуется и управляется посредством государственной формы, в рамках которой государство и общество (народ) выступают в качестве несводимых в единое целое категорий, поскольку государство, представленное властвующим классом (элитой), выступает как субъект, а общество – объект, – властеотношений. Сформулированный вывод подтверждается на всех этапах генезиса российского государства.

Для Российской Империи государство (властвующий класс/элита) – это сословная аристократия (светская и духовная), замыкающаяся в своей иерархии на царствующую династию, а также торгово-промышленная буржуазия, сложившаяся в самостоятельное сословие во второй половине XIX века.

Системный кризис, обусловивший в начале XX века события, получившие название Первой русской революции, повлек за собой попытку провести частичную реформу в области политико-правового устройства монархической России при сохранении базовых принципов

⁵⁰ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное. СПб., 2014. С. 39.

ее организации и функционирования. Создание представительного органа – Государственной Думы, осуществлялось на основании выделенных электоральных групп (курий): землевладельческой, городской, рабочей, крестьянской, интересы которых выражали политические партии. В отличие от западной партийной системы, где власть и оппозиция представляли и представляют собой конкурирующие, однако не враждебные политические формы, в российском государстве на всех его этапах любое несогласие с официальным властным курсом рассматривалось как проявление угрозы государственной безопасности, с вытекающими из такой постановки вопроса последствиями. Не случайно политические партии, возникающие в России в XIX веке и руководствовавшиеся в своей деятельности целевыми установками борьбы за власть, являлись нелегальными, и в своей деятельности использовали преимущественно экстремистские либо террористические методы. Те же партии, которые возникли в результате вынужденных реформ (1905–1907 гг.), в силу отсутствия сколько-нибудь значимого опыта политической деятельности, а также понятных широким массам и потенциально реализуемых на практике программных установок, не могли составить конкуренцию ни монархии, ни экстремистским организациям. Итогом неэффективности партийного строительства в Российской Империи стала вторая, а затем и третья, российские революции, разрушившие монархический строй и предопределившие возникновение нового типа государства – советской социалистической республики.

Советское государство, провозгласив себя общенародным союзом трудящихся, свободных от любой эксплуатации, на практике очень быстро сформировало эксплуататорскую систему по методам управления гораздо более жесткую, нежели предшествующая ей феодально-буржуазная формация. Сложилась и новая политическая элита – партийно-хозяйственная номенклатура, по сути своей мало чем отличающаяся от имперской аристократии. Закрепленное на конституционном уровне всенародное единство («Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»), обеспечивалось «национальной скрепой» – идеологической конструкцией «народ и Партия едины», сменившей Уваровскую триаду «Православие. Самодержавие. Народность». Коммунистическая партия Советского Союза рассматривалась как «руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы» (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.). В обществе «нового типа» отрицалась объективность социальных факторов конфликтного характера, в том числе наличие организованной профессиональной преступности и политической оппозиции, противопоставляемой «прогрессивному» политическому режиму советской демократии. Попытки советского руководства провести реформы, направленные на создание системы «социализма с человеческим лицом», имели тот же недостаток, что и реформы царского правительства в России начала XX века. Не допуская сущностной трансформации, власть стремилась провести «рестайлинг» государственно-правовой системы за счет заимствования западных политико-правовых форм (введение института президента, создание конституционного суда, официальное разрешение частной собственности и рыночных экономических отношений, провозглашение прав человека и т. п.). При этом так же, как и ранее, осуществляемые по инициативе «сверху» реформы не опирались на детальный анализ социальной динамики, что в итоге привело не к модернизации советской политико-правовой системы, а к ее разрушению и, как следствие, «демонтажу» советского союзного государства и опосредованного им социалистического права.

В современной России (так же, как и в СССР), на конституционном уровне декларируется единство многонационального народа Российской Федерации, однако наличие социально-экономического расслоения обуславливает все более углубляющееся материальное неравенство между богатыми и бедными, а это в свою очередь предполагает, что государство в первую очередь отстаивает интересы привилегированных групп населения, включающих представителей олигархического бизнеса, высших государственных чиновников и силовиков. При этом так же, как в Советском Союзе было нельзя говорить об объективном характере преступности, нали-

чии устойчивых форм криминальных организаций и профессиональной квалификации субъектов преступлений, в современных условиях, мягко говоря, не приветствуются разговоры о социальной неоднородности российского общества, что обуславливает в том числе дифференциацию преступности как социально-культурного явления на преступность богатых и преступность бедных. Если советская государственно-правовая система в своей констатации общенародного единства опиралась на постулаты классового родства трудящихся (рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции), сплоченных в «нерушимом союзе коммунистов и беспартийных», то в сегодняшних условиях власть предпочитает попросту не поднимать проблему социальной дифференциации российского общества. Получается, что деление общества на богатых и бедных в сегодняшней России официально признается, а капиталистическая эксплуатация человека человеком и наличие олигархов, создающих свои капиталы за счет использования общегосударственных ресурсов, – нет. В частности, в одном из своих выступлений пресс-секретарь Президента, Д. Песков, заявил, что в России нет олигархов, влияющих на политику⁵¹.

В складывающейся ситуации классовый подход к социальному структурированию государства и общества, используемый профессором Л. И. Спиридоновым для характеристики права и преступления, представляется в достаточной степени актуальным и конструктивным в плане познания современной государственно-правовой реальности, в том числе в сфере прогнозирования криминальных тенденций развития российского общества и отношения к этим тенденциям со стороны государства, общества, личности.

Социологический подход к пониманию государства, права и преступления позволил Л. И. Спиридонову объединить методы познания различных научных отраслей в комплексном методе междисциплинарного синтеза, что позволило сконструировать в своем роде уникальную систему правового познания, не только не утрачивающую своего прикладного значения в современных условиях, но и неуклонно наращивающего его.

⁵¹ См.: Песков заявил, что олигархов в России не существует // URL: <https://tass.ru/ekonomika/8694057>.

Глава 3

Правовой реализм в парадигме социологической юриспруденции

3.1. Метафизика и реализм социалистического права

В истории социалистического права есть теоретики, последовательно отстаивающие диалектический подход к пониманию культуры, к восприятию права как относительно самостоятельного вселенского феномена. Лев Иванович Спиридонов – один из немногих исследователей, утверждавших в тот период значение реалистического подхода к изучению правовых явлений: «Объективный характер диалектики заставляет искать ответы на них в реальной действительности и анализе процесса ее изучения»⁵². Разработка идеи о включении правоотношений в содержание права, обращенность концепции Л. И. Спиридонова на диалектику *реальной действительности* позволяют причислить его к сторонникам реалистического типа правопонимания.

Развиваемые сторонниками движения правового реализма положения о том, что право есть элемент культуры общества, а правовые отношения специфицируют социальные договоренности индивидуумов об их взаимных правах и обязанностях, находят подтверждение в концепции Л. И. Спиридонова: «Все правовые отношения суть отношения общественного целого, члены которого наделяются юридическими определениями только как элементы этого социального организма. Он-то и является той предпосылкой, тем субъектом, чьи стороны получают в процессе развития экономическое, политическое, правовое и т. д. выражение»⁵³.

Тематизация правового реализма имеет важное гносеологическое значение, позволяющее выявить именно те закономерности правопорядка, которые оказывают существенное влияние на принятие правоприменительных решений. Субъект-объектный дискурс толкования права раскрывает компетенции акторов силы – правоприменителей, которые наполняют тексты решений своей интерпретацией и волей. Нормативные правовые акты, регламентирующие процессуальную деятельность юриста, приобретают вторичное значение по сравнению с его личными целями и мотивами.

Интеграция эмпирических и аналитических исследований в последние десятилетия характерна для постклассической юриспруденции. Можно рассматривать правовой реализм в качестве обновленной концепции социологического направления, объединяющей преимущества естественного права и позитивизма. Знание тех закономерностей, по которым происходит толкование и применение права на практике, носит не менее научный характер, нежели догмы академической юриспруденции. Полезность и важность эмпирических исследований заключается и в возможности на их основе подготовить студентов к практической деятельности, сформировать навыки и типы правосознания, способные противостоять неравенству в доступе к правосудию, несправедливости при вынесении правоприменительных актов.

Междисциплинарность правового реализма позволяет преодолеть крайности метафизического теоретизирования и формалистского конструирования нормативных текстов, не соответствующих юридической практике. Десятилетия строительства коммунизма научили теоретиков и философов права выстраивать концептуальные обоснования без привязки к актуальному правопорядку. Несколько поколений ученых утверждали, что юридические законо-

⁵² Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 40.

⁵³ Там же. С. 44.

мерности могут быть придуманы в кабинетах и установлены нормативными актами, что воля суверена, регламентирующая должное поведение, способна изменить сущее право.

Правовой реализм основан на практической юриспруденции, изучение которой позволяет уяснить действительные запросы акторов правопорядка. Являясь признанным в международной юриспруденции движением, реализм открывает возможности сопоставления теоретических конструкций, юридических практик и пропагандистских доктрин. Реалистические подходы в парадигме социологических теорий права рассматриваются как направления теоретической мысли, способные формировать правопорядок, особенно в эпоху, когда стираются резкие грани между юспозитивизмом и юснатурализмом, когда в общем правовом теоретизировании исчезают разделения научных школ, утрачиваются советские традиции. Реализм позволяет обобщить эмпирические измерения правопорядка, интегрировать теоретические и практические феномены, без этого направления юриспруденции современные исследования уже не могут претендовать на всестороннее рассмотрение права в гуманитарных науках⁵⁴.

В истории развития гуманитарных наук философское мышление предшествовало правовому, а социологические методы управления обществом уже применялись в период формирования права как явления. Корпусы обычаев, конвенциональных соглашений, нормативных предписаний и других источников права эволюционировали вместе с развитием этносов. Государству как форме организации общества, для своего возникновения и стабильного функционирования требовались не только философские и социологические обоснования, но и правовые конструкции управления, подчинения, в том числе, – механизмы применения легализованного насилия к человеку, вплоть до лишения жизни.

Право как вселенское явление содержит в себе интерсубъективное признание своих и чужих интересов, выраженное через корреспондирующие права и обязанности. При этом заслуживает особенного внимания такой тип коммуникации, при которой суверен навязывает подотчетному населению нормативные требования, приемлемые не для всех. Очевидно, что в любом государстве не все страты общества признают статус правителя и не все разделяют его представления о сущем и должном. В каждом государстве действуют институты нормотворческой деятельности, которые не в состоянии гарантировать соблюдение (разнообразных и подчас противоречивых) интересов всех социальных меньшинств и оппозиционно ориентированных сообществ.

Наиболее подробно в исторической перспективе разработаны темы собственности: права владения, пользования и распоряжения вещами, неимущественными правами, сервитутами и т. и. Взаимное признание собственниками прав на вещи предполагает развитие идей договора, товарного обмена, виндикации и других форм защиты прав собственника от притязаний не собственников. Каждый отдельный договор субъектов предполагает не только всеобщую правовую связь всех со всеми, но и наличие юридических механизмов, обеспечивающих исполнимость взаимных обязательств. Развитие международных экономических связей, политические и финансовые монополии, неравномерный технологический прогресс приводят к неэквивалентному товарному обмену и произволу в отношении слабозащищенных субъектов. Защиту интересов некоторых страт в полной мере могут обеспечить только принудительные меры со стороны государства.

Общечеловеческая тенденция к солидарности и равноправию индивидов нашла историческое отражение в идеях социализма и коммунизма. «От каждого по способности, каждому – по труду», – демократический принцип, используемый не только сторонниками социалистического способа производства, но и большинством работодателей во всем мире. Однако социалистическая идея столкнулась с неравенством интеллектуальных способностей и антропологических свойств человеческих организмов, не говоря уже о социальных особенностях классов,

⁵⁴ См.: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб., 2022. С. 412–413.

территориальных и образовательных градациях региональных элит, субъективных амбициях вождей, корпоративных интересах силовых структур.

Право регулирует систему общественного разделения труда, опосредует процессы отчуждения результатов деятельности индивида. Л. И. Спиридонов еще в монографии 1973 года обращал внимание на снижение роли ординарного человека, который становится «винтиком» в механизме всеобщего коммунистического строительства, писал об актуализации обезличенности человека: «индивид становится носителем определяемой обществом функции. В свою очередь, право превращается теперь в средство оценки деятельности людей с точки зрения ее соответствия социальной функции индивида-деятеля. В этой своей функции право выступает как мера, то есть как единство абстрактного права и неправа»⁵⁵. Осознанно или незаметно для себя «индивид оказывается включенным в систему производственных отношений и становится общественно определенным индивидом... Все это предполагает изменение характера субъективного отношения индивида к своей деятельности. Теперь это поступки члена коллектива владельцев. Тот, кто действует, обязан соотносить результаты своих действий с потребностями социального целого. Только отвечающий этому требованию поступок – правомерен»⁵⁶.

Человек утрачивает свою субъектность, по мере приближения к коммунизму он становится пассивной частью государства, – объектом, – его социализация подразумевает включение в систему общественных отношений и наделение социальными свойствами согласно утвержденному суверенному плану. Индивидуальные черты личности растворяются в коллективных интересах, социализация «воспроизводит людей как членов общества, как персонификаций экономических функций, как членов класса, как граждан и субъектов права, т. е. в таких общественных определениях, которые выражают принадлежность человека к социально-оформленному коллективу»⁵⁷. В означенной парадигме новые социальные свойства индивида уже не обуславливаются его особенностями природного происхождения: полом, кодом ДНК, индивидуальными интересами, личным счастьем.

Л. И. Спиридонов, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, в эпоху расцвета социалистического права говорит о новом основании бытия человека – общественном производстве, где индивиды исторически объединились на рынке для обмена продуктов, произведенных ими. Социальным оптимизмом с ноткой юридической настороженности пронизаны завершающие строки одной из его книг: «Социализм постепенно создает человеку условия для проявления всех таящихся в нем способностей, делая мерилom социальной ценности индивида его деятельность. Вещи перестали быть непременными посредниками в отношениях между людьми, и потому имущественное положение и институт наследования утратили свое значение решающих факторов социального продвижения. Социальное положение людей впервые начинает совпадать с тем, кто они суть, на что способны и что делают. Все это закладывает основу для коммунистического равенства, для окончательного разрешения противоречий между человеческим родом и обществом и, стало быть, для возвращения сущности человека к нему самому. Отношения между людьми и общественные отношения совпадут. Но в таком случае человечество перестанет нуждаться и в праве как средстве социального регулирования»⁵⁸.

Сегодня, преодолев почти четверть XXI века, мы констатируем неудачу теоретиков права, обосновавших практическую возможность перехода общества от социализма к коммунизму. *Советский народ* как прокламированная новая человеческая общность, после семидесяти лет мучительного строительства социализма, после нескольких лет хаотичной «перестройки» и несправедливой приватизации общественной собственности, – вернулся

⁵⁵ Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. С. 53.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 60.

⁵⁸ Там же. С. 204.

к капиталистическому типу производства в его государственно-монополистической форме. Постсоветскому этапу развития государственности соответствует гибридный правопорядок, сочетающий черты социалистического реализма, партийного строительства и капиталистической эксплуатации.

3.2. Реализм в философии

Исследования правового реализма сталкиваются с методологическими трудностями, производными от неодинакового понимания реализма в гуманитарных науках. Изучая современный реализм, необходимо дифференцировать философское, политологическое и юридическое понимание этого феномена. Реализм как явление не имеет общепринятой дефиниции, развивается в различных направлениях человеческих знаний как соотношение феноменов, терминов, фактов объективированной действительности в устанавливаемых исследователями закономерностях.

Философский реализм в целом утверждает существование теоретических объектов, вводимых научными концепциями, формирует методологические основы для их развития и внедрения в массовое использование. Реалистический подход позволяет исследовать ненаблюдаемые феномены наравне с объектами, существующими в природе.

История развития реалистической философии наполнена спорами реалистов с номиналистами, реалистов с идеалистами, реалистов с моралистами и т. д. С точки зрения реализма мир вокруг нас существует независимо от наших представлений о нем. Сущее бытие опредмечивается его исследователями, которые декларируют, что способны правдиво воспроизвести действительность в ее типических чертах.

Эпистемологический реализм видит мир познаваемым через наш чувственный опыт, при использовании которого мы имеем возможность познать все объекты окружающего мира. Предполагается, что вырабатываемые человеком понятия существуют в реальности, на них можно опираться для построения дальнейшей картины мира. Адекватное отображение действительности в описательных актах позволяет использовать результаты ее познания неопределенным кругом лиц, – можно ознакомиться с оригинальными текстами *познающих* авторов, чаще всего являющихся научными трудами, – и строить на их основе дальнейшие интеллектуальные и практически-ориентированные конструкции. По мнению сторонников реалистического подхода может существовать одновременно несколько несовпадающих мнений, в результате чего соотношение научных теорий с реальностью будет неодинаковым.

Наивным реализмом принято обозначать позицию, основанную на здравом смысле, прокламирующем обоснование повседневных практик достижениями научных теорий. При этом в современном мире существует возможность обосновать прямо противоположные тенденции со ссылкой на авторитетные теории. Например, *научный коммунизм* на протяжении многих десятилетий преподавался в качестве учебной дисциплины во всех высших учебных заведениях СССР. Для студентов юридических специальностей знанию этого предмета придавалось особое значение, неудовлетворительная оценка лишала возможности получить диплом о высшем образовании. Многим из читателей книги пришлось убеждать экзаменаторов в научности тезисов о постепенном отмирании государства, об исчезновении классов, о капитализме как основном источнике преступности, об искоренении преступности при коммунизме, – и о прочих государственно-правовых аспектах *научного коммунизма*. Очевидно, что *научность* коммунистической доктрины развития общества опровергнуто историческим опытом человечества, что не лишает ее идеологического и политико-правового значения.

Разнообразные концепты номинируются как научные по признаку стремления к постижению истины, имманентному обоснованию предмета и методов. Но нередко упускается из виду то, что научная обоснованность гуманитарных (в т. ч. юридических) теорий должна про-

веряться практикой, подтверждающей существование изначально ненаблюдаемых сущностей. Приближение к истине как цель может считаться достигнутой, если референтное сообщество будет в состоянии наблюдать реально существующие правовые явления в постулатах рассматриваемой теории. Необходимыми условиями становится синхронизация понятийного аппарата между исследователями и их адептами, терминологическая последовательность, объясняемость на уровне разумного обывателя. Соответствие текстов действующим закономерностям и успехи в обосновании методологического инструментария упрощают принятие новых юридических доктрин. Рациональные логические обоснования, релевантные примеры из практики, сравнение с аналогичными исследовательскими направлениями в других государствах, — способствуют принятию новаторских выводов.

Критика реализма развивалась в дискурсах тезиса неопределенности Уилларда Куайна, который в широком смысле скептически относился к возможности перевести идеи с языка одного человека на язык другого⁵⁹. «Согласно Куайну, значения, понимаемые как некоторые идеи, выражаемые языковыми образованиями, не обладают объяснительной силой, а понимание перевода (интерлингвистической синонимии) как сохранения одного и того же смыслового содержания есть заблуждение. Он утверждает, что “нет оправдания для сопоставления лингвистических значений, разве только в терминах предрасположенностей людей к открытой реакции на социально наблюдаемые стимуляции”. Соответственно язык характеризуется им как комплекс предрасположенностей к речевому поведению. Так возникает поведенческая концепция языка и связанная с ней гипотеза о неопределенности перевода. Следовательно, основной тезис гипотезы утверждает, что на основе поведенческих критериев (свидетельств) не существует никакого способа установления перевода уникально»⁶⁰

⁵⁹ См. подробнее: *Quine W. Word and Object*. N. Y.; L., 1960.

⁶⁰ *Самсонов В. Ф.* К анализу гипотезы Куайна о неопределенности перевода // Тетради переводчика. Вып. 16. М., 1979. С. 22.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.